

DOI 10.35775/PSI.2026.130.1.005

УДК 328.28

А.К. ДУДАЙТИ

доктор исторических наук, заведующий
кафедрой всеобщей истории ФБГОУ ВО «Северо-Осетинский
государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова»,
Россия, г. Владикавказ
E-mail: adudaiti@mail.ru

ПРОФИЛАКТИКА ИДЕОЛОГИИ ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (1991-2025): ИНСТИТУТЫ, ДИСКУРСЫ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА

Профилактические практики противодействия радикализации в макрорегионе в 1991-2025 гг. развивались неравномерно: менялись управленческие контуры, набор акторов и язык публичных коммуникаций, что влияло на приоритеты и измерители результативности. Цель – выявить траектории институциональных изменений и дискурсивных сдвигов и соотнести их с трансформацией каналов вовлечения и распространения радикальных установок. Используются историко-генетический и сравнительно-исторический подходы, элементы институционального анализа и дискурс-анализа; источниковую базу составили нормативные акты и программы, материалы координационных структур, публичные заявления, региональные и федеральные медиа, а также доступные массивы ведомственной статистики и судебных решений. Предложена периодизация из трёх этапов: 1990-е – преобладание реактивных мер и фрагментарной профилактики; 2000-е-нач. 2010-х – институционализация координации и программного управления; сер. 2010-х-2025 – смещение фокуса на молодёжные среды, цифровые каналы и контрнарративы. Сформирована типология профилактики (правовая, организационно-административная, социокультурная, информационно-коммуникационная). Показано, что расширение дискурса об «идеологии терроризма» сопровождалось усилением коммуникационно-образовательных мер, адресной работой с молодёжью и вовлечением общественных и религиозных организаций при сохранении силовых контуров. На основе выявленных связей предлагаются рекомендации по корректировке региональных программ, включая индикаторы оценки, профилактику в школах и вузах и мониторинг онлайн площадок, с учетом культурных различий. Долгосрочная эффективность профилактики определяется согласованностью институтов, качеством межведомственного обмена данными, адресностью работы с группами риска, включённостью локальных сообществ и способностью адаптировать дискурс и инструменты к меняющимся технологиям вовлечения.

Ключевые слова: Северный Кавказ, профилактика, радикализация, идеология терроризма, межведомственная координация, дискурс, молодежь, цифровые каналы, контрнарративы, историческая периодизация.

Введение. Профилактика терроризма и экстремизма на Северном Кавказе относится к тем темам, где вопросы безопасности тесно переплетаются с национальной политикой и федеративными отношениями. Регион живет в условиях наложения рисков: травматичный опыт постсоветских конфликтов, конкуренция идентичностей, социальная уязвимость отдельных территорий и возрастных групп. В последние годы заметно выросла роль цифровой среды, вовлечение все чаще начинается не во дворе, а в телефоне и в сети. На таком фоне государственная политика все заметнее смещается от реакции на совершенные преступления к предупреждению, а стратегическая рамка обновилась на федеральном уровне в конце 2024 г. [10. С. 1].

При этом между формулировками в документах и реальной организацией работы на местах нередко остается разрыв. В отчетах и планах присутствуют широкие задачи, но в практике профилактика порой сводится к разрозненным акциям, где трудно понять, как измеряется результат, кто отвечает за согласованность действий и по каким признакам выявляется и нейтрализуется «идеология терроризма». Не менее чувствителен вопрос границы между разумной настороженностью и избыточной подозрительностью, способной подрывать доверие и ослаблять эффект профилактики. Исторический взгляд помогает увидеть не перечень мероприятий, а смену представлений о причинах радикализации, о целевых аудиториях и о допустимом языке публичного предупреждения.

Цель статьи состоит в реконструкции динамики профилактики терроризма и экстремизма на Северном Кавказе в 1991-2025 гг. в двух связанных плоскостях: изменения институтов и управленческих контуров, а также эволюция публичного и официального дискурса об «идеологии терроризма» и близких явлениях. В работе прослеживаются этапы и логика смены подходов, ключевые решения и форматы межведомственного взаимодействия, изменения в представлениях о «группах риска» и каналах вовлечения, а также адресность профилактических инструментов в правовой, организационной, социокультурной и информационно-коммуникационной сферах.

Краткий обзор литературы показывает, что тему чаще рассматривают в политологической, социологической и правовой оптике, тогда как исторический синтез профилактики как длительного процесса встречается реже. Ранние и «среднесрочные» исследования, посвященные предпосылкам радикализации, подчеркивали роль религиозного возрождения и неоднородность северокавказского пространства, где конфессиональный компонент постоянно присутствует в общественных и политических проблемах [10. С. 4-5]. Работы о трансформации насилия и террористической активности фиксировали волнообразную динамику, смену форм подполья, изменения географии и механизмов устойчивости радикальных структур [4. С. 5]. Одновременно заметен поворот к изучению

профилактики как системы практик: к качеству межведомственной координации и адресной работе с уязвимыми группами, а также к роли информационного направления [2. С. 38-39]. Важное уточнение вносит анализ регионального опыта, где успехи связываются с обновлением правовой базы, усилением межведомственного взаимодействия и вовлечением общественных кругов, но при этом сохраняются риски вербовки через интернет и проблемы публичного оправдания насилия [2. С. 40-41]. Отдельная линия в литературе связывает рост экстремизма с этнополитической напряженностью и политизацией религиозных процессов, показывая, как неразрешенные противоречия подпитывают радикализацию и влияют на выбор насильственных форм [9. С. 49-51]. На региональном материале Кабардино-Балкарии также подчеркивается, что профилактические программы часто грешат терминологической размытостью и слабым мониторингом, а без участия гражданского общества и продуманной работы с молодежью устойчивого результата ждать сложно [15. С. 178-180]. В итоге в литературе нередко расходятся нормативно-стратегический уровень и уровень региональной реализации, поэтому статья нацелена показать профилактику как меняющийся комплекс институтов и дискурсов, а не как набор привычных мероприятий.

Следует отметить, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 3; 5; 6; 7; 11; 12; 13; 14; 20; 21].

Однако проблему профилактики терроризма и экстремизма на Северном Кавказе нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Источниковую базу составляют федеральные нормативно-правовые акты, задающие рамки противодействия терроризму и экстремистской деятельности, включая базовые федеральные законы [18. С. 1; 19. С. 1]. Существенное место занимают документы стратегического планирования, включая Стратегию противодействия экстремизму, а также материалы публичных коммуникаций органов власти и региональных институтов профилактики [16. С. 1; 17. С. 1]. Дополнительно используются публикации региональных и федеральных медиа, массивы статистики и судебной практики, которые помогают соотнести управленческие решения с повседневной реальностью. Методологически работа опирается на принцип историзма, сочетает историко-генетический и сравнительно-исторический подходы, дополняется элементами институционального анализа и дискурс-анализа, что позволяет показать причины изменения практик и языка профилактики в 1991-2025 гг.

Результаты и дискуссия. Результаты исследования показывают, что профилактика терроризма и экстремизма на Северном Кавказе в 1991-2025 гг. развивалась не ровно. Периоды активных изменений сменялись паузами, а затем снова происходили сдвиги. На такие повороты влияли изменения самих угроз, управленческие возможности и общественные настроения. Сравнение законов

и стратегий, публичных заявлений и реальной работы на местах позволяет выделить три периода. В 1991-1999 гг. на первом плане стояла реакция на уже случившиеся события, а профилактика оставалась разрозненной. В 2000-е гг. и в начале 2010-х гг. началось выстраивание более понятной системы, усилилась межведомственная координация и появились программы. С середины 2010-х гг. по 2025 г. выросло внимание к молодежной среде, интернет-каналам и работе с контрнарративами, при этом силовые меры продолжали играть заметную роль. Более четкое стратегическое оформление профилактики в поздний период подтверждается обновлением федеральной рамки в конце 2024 г. [10. С. 1].

Период 1991-1999 гг. показывает, что профилактика почти нигде не была самостоятельной политикой. Главным оставалось реагирование. Широко применялись оперативные меры, силовые действия и уголовно-правовые механизмы. Профилактика существовала рядом и чаще выглядела как разовые решения под конкретную ситуацию. Многое зависело от местных условий и от того, как задачу понимали руководители на местах. Долгосрочные программы встречались редко, устойчивых профилактических структур почти не было, а оценка эффективности ограничивалась общими формулировками. Управленческая логика чаще сводилась к тому, чтобы остановить угрозу, удержать ее в пределах одной территории и не дать ей распространиться.

Организация работы в 1991-1999 гг. часто держалась на ручном управлении. Разные ведомства решали похожие задачи параллельно, а согласование действий чаще возникало во время обострений. В одном месте усиливали охрану порядка, в другом делали ставку на оперативную работу, в третьем проводили отдельные мероприятия в школах, вузах и учреждениях культуры. Общей схемы, по которой профилактика работала бы стабильно и одинаково по всему региону, не складывалось. Из-за этого меры нередко выглядели несвязанными и давали разный эффект.

Публичные объяснения причин радикализации в 1990-е гг. тоже были разными и менялись от ситуации к ситуации. Причины связывали то с идеологией, то с религиозным фактором, то с социальными проблемами, то с криминальной средой. Для Северного Кавказа важным фоном стало религиозное возрождение и поиск новых форм идентичности. Исследователи подчеркивают, что такие процессы стали частью постсоветских изменений и повлияли на дальнейшие радикализационные траектории [8. С. 4-5]. При этом выражение «идеология терроризма» в публичной речи чаще звучало как жесткая оценка, а не как понятие для анализа. Когда явление описывается главным образом как абсолютное зло, профилактика обычно сводится к запретам и декларациям. Адресная работа с конкретными группами риска слабее, чем требуется.

Практика 1991-1999 гг. включала несколько направлений, но каждое развивалось нестабильно. Правовые рамки только складывались, а позже многие подходы получают более четкое оформление в федеральном законодательстве о противодействии экстремистской деятельности и терроризму [15. С. 1; 16. С. 1]. Координационные решения чаще принимались ситуативно, с опорой

на вертикаль власти в моменты обострения. Работа с молодежью и образовательной средой велась эпизодически, обычно без единой методики и без устойчивых программ. Информационные меры выглядели как общие обращения и предупреждения, слабо попадающие в конкретные аудитории. Позднее именно на этом направлении будет строиться более адресная коммуникация и работа с контрнарративами, что отмечается в исследованиях последних лет [2. С. 38-39].

Причины неустойчивости системы профилактики в 1990-е гг. были связаны с рядом обстоятельств. Постсоветский переход сопровождался слабостью институтов и частой сменой управленческих правил. Насилие развивалось волнами, поэтому власти требовались быстрые ответы. Профилактика дает эффект медленнее и опирается на доверие и партнерство, а на их формирование требуются годы. Дополнительно мешала неустойчивость языка, которым описывали угрозы. Разные трактовки затрудняли выбор адресатов и настройку инструментов. Анализ эволюции терроризма на Северном Кавказе подчеркивают, что формы и динамика угроз менялись, и такая изменчивость осложняла создание стабильных профилактических моделей [4. С. 5].

1990-е гг. показывали профилактику как второстепенную работу, которая шла рядом с реагированием и почти всегда подчинялась логике «сначала надо погасить пожар». В 2000-е гг. и в начале 2010-х гг. произошел заметный поворот, потому что профилактика постепенно стала оформляться как самостоятельное направление государственной политики. На практике это выражалось в том, что появлялись более устойчивые правила координации, ответственность распределялась между разными уровнями власти и ведомствами, а правоохранительные меры начали увязывать с социальными и информационными инструментами.

Самый очевидный сдвиг периода был связан с укреплением нормативной и организационной базы противодействия терроризму и экстремизму. Федеральные рамки становились более четкими, регионы получали единый набор ориентиров, а прежний «разброс» трактовок постепенно сокращался. Опорой для этой перестройки выступали нормы о противодействии экстремистской деятельности и терроризму, которые задавали общий язык квалификации угроз и закрепляли возможность профилактики через предупреждение, ограничения и перекрытие каналов распространения радикальных установок [15. С. 1; 16. С. 1].

На уровне управления накапливались признаки ухода от ведомственной разрозненности к межведомственной координации. Задачи начали раскладываться по ролям, и в региональных схемах профилактики чаще появлялись конкретные исполнители, сроки и формы взаимодействия. Силловые структуры продолжали отвечать за пресечение преступной деятельности и за оперативное сопровождение угроз, органы исполнительной власти и муниципалитеты брали на себя организацию профилактических мер, образовательные учреждения включались в воспитательную и правовую работу, а учреждения культуры и спорта использовались как площадки для вовлечения молодежи в легальные формы активности.

Общественные организации и религиозные институты чаще рассматривались как партнеры, способные работать с локальными сообществами там, где прямое администрирование воспринималось настороженно. Такой переход проходил неравномерно, но общий тренд периода проявлялся достаточно ясно, потому что профилактику пытались собирать в модель, где ответственность не замыкалась на одном ведомстве.

Одновременно менялось и содержание самой профилактики, потому что ее начали понимать шире, чем просто сопровождение силовых мер. В качестве цели все чаще обозначали предотвращение вовлечения и снижение влияния радикальной пропаганды, однако расширение повестки иногда давало и обратный эффект, связанный с формализацией работы. Количество мероприятий могло расти, отчетность становилась объемнее, но связь между числом проведенных действий и реальным снижением риска оставалась неочевидной, поэтому в последующие годы усиливалась критика «массовых акций», которые были удобны для отчета, но плохо работали с группами риска.

В 2000-е гг. и в начале 2010-х гг. профилактика стала постепенно складываться в более понятный управленческий цикл, где цели формулировались заранее, затем шло планирование, исполнение, отчетность и попытка поправить ошибки по итогам. Такая логика позже закреплялась в документах государственного планирования 2020-х гг., поэтому период можно считать подготовительным к стратегическому оформлению профилактики [9. С. 1; 10. С. 1]. На региональном уровне программный подход чаще всего проявлялся через устойчивые направления работы: образовательная и молодежная политика, информационные кампании, усиление роли муниципалитетов и социальной сферы. Школы, колледжи и вузы проводили занятия и мероприятия, связанные с правовой культурой и гражданской идентичностью, молодежные структуры подключались к предупреждению вовлечения, а органы местного самоуправления и специалисты социальной сферы получали задачи по раннему выявлению проблемных ситуаций и сопровождению подростков и молодых людей из уязвимых групп. Информационная линия чаще оставалась общей и разъяснительной, понятной массовой аудитории, но без устойчивой адресности, которая станет заметнее позже.

Силовой блок в эти годы сохранял центральное значение там, где требовалось пресекать преступную деятельность и разрушать подпольные структуры, но постепенно менялось место силовых мер в общей логике. Внимание чаще смещалось к ранним стадиям, когда важнее не довести дело до конкретных действий и уголовных эпизодов, поэтому профилактика начинала восприниматься как отдельная работа, а не как сопровождение реагирования. Менялся и официальный язык описания угроз: выражение «идеология терроризма» все чаще использовалось как объект профилактики, а не просто как оценочная формула, поэтому в поле зрения попадали каналы распространения установок, механизмы вовлечения и уязвимые аудитории. Исследования по северокавказскому

контексту подчеркивали, что результат зависит от адресности мер и понимания социальной среды, а не только от жесткости запретов [2. С. 38].

Проблема баланса при этом никуда не исчезала. Расширение представлений об «идеологической угрозе» иногда вело к размытым критериям в массовых кампаниях, где различие между религиозной практикой, культурными особенностями и признаками радикализации оставалось неточным, из-за чего падало доверие и усложнялась работа с местными сообществами. К началу 2010-х гг. выделялись и устойчивые дефициты: эффективность измеряли в основном количеством встреч, лекций и проверок, а не изменением поведения целевых групп, поэтому возникал соблазн подменять результат процессом. Сохранялась асимметрия регионов и разрыв между правовым контуром и социальной профилактикой, поскольку нормы развивались быстрее практик адресной работы, что давало перекося в сторону запретов и санкций. Волнообразная динамика угроз и смена форм подполья на Северном Кавказе заставляли профилактику постоянно догонять происходящее [4. С. 5]. С середины 2010-х гг. ситуацию заметно меняла цифровая среда: вовлечение все чаще начиналось в сети и закреплялось вне сети через окружение и локальные связи, поэтому разовые мероприятия и лозунговые формулы попадали в аудиторию все хуже, а ценность приобретали постоянная работа в молодежной среде и точная, содержательная коммуникация. Стратегический уровень укреплялся через документы планирования до 2025 г. и обновление рамки в конце 2024 г., где закреплялись цели, приоритеты и межведомственная координация [9. С. 1; 10. С. 1]. Правовая база по противодействию экстремизму и терроризму продолжала задавать общий каркас профилактики [15. С. 1; 16. С. 1].

Наиболее острая дискуссия третьего этапа была связана с оценкой эффективности профилактики в цифровой среде. Статистика и отчетность по количеству мероприятий плохо отражали динамику убеждений, сетевых контактов и онлайн-вовлечения, поэтому рост показателей по «проведенным акциям» не всегда означал снижение риска. Практика сталкивалась с двумя противоположными перекосями. Формализм проявлялся в большом количестве контента и встреч при слабом попадании в целевую аудиторию и при отсутствии обратной связи, а запретительный перекося проявлялся в попытках решать идеологическую проблему главным образом ограничениями, что могло усиливать привлекательность «запретного» и повышать конспиративность сетей. Наблюдение о волнообразности угроз и изменчивости форм радикальных структур, характерное для исследований по региону, хорошо объясняло такую ситуацию, поскольку при смене каналов мобилизации профилактика вынуждена была быстро адаптироваться, чтобы не остаться инструментом вчерашнего дня [4. С. 5]. В северокавказском контексте особенно заметно проявлялась зависимость результата от опоры на локальные авторитеты, от понятного языка и от реальных социальных маршрутов для молодежи, а не только от административного давления [2. С. 38-39].

Заключение. Исследование позволило проследить динамику профилактики терроризма и экстремизма на Северном Кавказе в 1991-2025 гг. как смену управленческих моделей и публичного языка описания угроз. Изменения шли этапами. В 1991-1999 гг. преобладали реактивные меры, профилактика оставалась фрагментарной и зависела от ситуативных решений. В 2000-е гг. и в начале 2010-х гг. усилились нормативная определенность и межведомственная координация, профилактика стала более системной и программной. С середины 2010-х гг. по 2025 г. фокус сместился на молодежные среды и цифровые каналы, выросла роль коммуникационно-образовательных инструментов и требования к адресности и подготовке исполнителей, а обновление стратегической рамки в конце 2024 г. закрепило межсекторный подход.

Выделение организационно-административного, социокультурного и информационно-коммуникационного контуров помогло показать смену доминирующих инструментов, но выявило и устойчивые ограничения: бюрократизация координации, слабая измеримость результата, подмена адресной работы массовыми кампаниями, а в цифровой среде риск формализма или перекося в запреты.

Практический вывод сводится к тому, что устойчивый эффект чаще возникает там, где институты действовали согласованно, обмен между ведомствами был живым, а профилактика шла как постоянная работа. Адресность, поддержка социальных лифтов и включение молодежи в легальные формы участия снижали риск вовлечения, а информационная работа давала результат при опоре на доверие, понятный язык и партнерство с локальными сообществами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Абдурагимов З.Е.** Мягкие политические технологии профилактики терроризма // Вопросы политологии. 2024. № 9.
2. **Адиев А.З.** Предупреждение терроризма: опыт северокавказских республик // Восточный вектор: история, общество, государство. 2023. № 1.
3. **Акопян Г.А.** Современный терроризм: ключевые особенности развития и проблемы его искоренения // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 4.
4. **Баев П.К.** Кавказ: очаг терроризма в состоянии метаморфоз. Париж: IFRI, 2011. (Russia.Nei.Visions) (на англ.).
5. **Венцель С.В.** Роль субъектов профилактического воздействия в системе противодействия распространению политического экстремизма в среде новых медиа // Вопросы политологии. 2024. № 1.
6. **Дзахова Л.Х., Кадзова Н.** Трансформация угроз национальной безопасности в условиях усиления деструктивных сообществ в российском сегменте сети Интернет // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 1.

7. **Залысин И.Ю., Старцева С.Г.** Современный терроризм: специфика, динамика, тенденции // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. № 5.
8. **Каноква Л.Ю., Федулов Б.А.** Совершенствование информационной борьбы с терроризмом на Северном Кавказе // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17. № 4. DOI: 10.33693/2072-3164-2024-17-4-175-179.
9. **Лавриненко Д.** Этнополитические основания экстремизма на Северном Кавказе // Россия и мусульманский мир. 2014. № 1.
10. **Малашенко А.В.** Исламские ориентиры Северного Кавказа. М.: Гендальф, 2001.
11. **Медведев Н.П.** Влияние экстремизма и терроризма на конфликтогенность Северо-Кавказского региона // Вопросы политологии. 2015. № 2.
12. **Медведев Н.П.** Национализм и этнополитический экстремизм // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 1.
13. **Мелконянц Г.А.** Терроризм как угроза безопасности в условиях актуальной стадии глобализации // Вопросы политологии. 2024. № 10.
14. **Морозов И.Л.** Терроризм и иные формы негосударственного политически мотивированного насилия – проблема демаркации по тактическим и идеологическим компонентам // Вопросы политологии. 2024. № 8.
15. **Ошроев Р.Г.** Профилактика и противодействие экстремизму в современном российском обществе как научная проблема (на примере Кабардино-Балкарии) // Кавказология. 2017. № 3. DOI: 10.31143/2542-212X-2017-3-173-187.
16. Российская Федерация. Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2020 № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» (утратил силу) // <https://kremlin.ru/acts/bank/45555>.
17. Российская Федерация. Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412280115>.
18. Российская Федерация. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // <https://www.kremlin.ru/acts/bank/23522>.
19. Российская Федерация. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // <https://www.kremlin.ru/acts/bank/18939>.
20. **Хабибуллин Р.И.** К вопросу о выработке универсального определения международного терроризма // Вопросы политологии. 2025. № 3.
21. **Холов С.Х., Олимзода С.Ш.** Терроризм и экстремизм как политические вызовы безопасности государств постсоветского пространства // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 3.

A.K. DUDAYTI

Doctor of Historical Sciences, Head of the Department
of General History, North Ossetian State University named
after Kosta Levanovich Khetagurov,
Vladikavkaz, Russia

PREVENTION OF THE IDEOLOGY OF TERRORISM AND EXTREMISM IN THE NORTH CAUCASUS (1991-2025): INSTITUTIONS, DISCOURSES, HISTORICAL DYNAMICS

Preventive practices to counter radicalization in the macro-region in 1991-2025 developed unevenly: governance frameworks, the set of actors, and the language of public communication changed, affecting priorities and measures of effectiveness. The aim is to identify trajectories of institutional change and discursive shifts and to relate them to transformations in the channels of recruitment and dissemination of radical attitudes. The study employs historical-genetic and comparative-historical approaches, as well as elements of institutional analysis and discourse analysis; the source base includes regulatory acts and programs, materials from coordinating bodies, public statements, regional and federal media, and available datasets of departmental statistics and court decisions. A three-stage periodization is proposed: the 1990s – predominance of reactive measures and fragmented prevention; the 2000s-early 2010s – institutionalization of coordination and program-based governance; mid-2010s-2025 – shift of focus to youth milieus, digital channels, and counter-narratives. A typology of prevention is developed (legal, organizational-administrative, sociocultural, and information-communication). The paper shows that the expansion of the discourse on the «ideology of terrorism» was accompanied by the strengthening of communication and educational measures, targeted work with youth, and the involvement of civic and religious organizations while preserving coercive/security contours. Based on the identified links, recommendations are offered for adjusting regional programs, including evaluation indicators, prevention in schools and universities, and monitoring of online platforms, taking cultural differences into account. The long-term effectiveness of prevention is determined by institutional coherence, the quality of interagency data exchange, the targeting of at-risk groups, the engagement of local communities, and the ability to adapt discourse and tools to evolving recruitment technologies.

Key words: North Caucasus, prevention, radicalization, ideology of terrorism, interagency coordination, discourse, youth, digital channels, counter-narratives, periodization.